

1984, 18 марта, Иван Иванович

Едва начав беседу, Ольга Сергеевна предупредила:

— Я сейчас должна объявить время.

Она сосредоточилась. В то же мгновение над звуконепропускаемым окном в аппаратную зажглось световое табло: «Микрофон включен».

— Московское время двенадцать часов пятнадцать минут...

Я сидел, боясь даже пошевелиться.

Голос Ольги Высоцкой... Для нас, нынешнего молодого поколения, работа диктора представляется не только искусством владения голосом. Тут все — от прекрасных внешних данных до изящных манер. Понятно — мы привыкли к телевизору. И как добрых знакомых узнаем наших теледикторов. Узнаем и даже не догадываемся, что все они — ученики Ольги Сергеевны Высоцкой, человека, чей образ нам даже трудно себе представить. Трудно потому, что больше полувека невидимый собеседник входит в наш дом, а голос его по-прежнему остается молодым.

...Тридцатые годы. Тогда все было впервые: первые пятилетки, первые достижения молодой Советской страны. Первые шаги делало и дикторское искусство.

— Да, профессия диктора была тогда еще очень молодой, малоизученной. Поэтому мы с большим интересом перенимали все, что нам рассказывали замечательные мастера искусств. Помню, очень часто к нам в дикторскую комнату приходил Владимир Николаевич Яхонтов. Он был неповторимым мастером-чтецом и включал в свои программы классическую публицистику. С большим уважением и даже, я бы сказала, с каким-то трепетом Владимир Николаевич относился к работе диктора. Он говорил: «Чтобы читать материалы прямо в эфир, почти без подготовки, нужно родиться с каким-то особым свойством».

— Но когда вы родились, радиовещания не было?

— Да, радио как средство массовой информации появилось уже после Октябрьской революции. Да и потом я не думала, что свяжу свою судьбу с работой диктора.

Отец мой работал на железной дороге электромонтером, мать — домохозяйка, и когда пришло время выбирать дорогу в жизни, решила, что пойду работать на фабрику. Годы тогда были переломные, образование — хаотичное. Возникали различные молодежные организации. Я влилась в эту бурную струю всевозможных преобразований. Днем трудилась на шелкопрядильной фабрике «Пролетарский труд». Сортировали грежу. Грежа — это, знаете, шелк-сырец, разматываемый с коконов. Работа очень утомительная. А после работы приходилось учиться в вечерней школе. Очень рано ухитрилась выйти замуж и в девятнадцать лет родила дочку Людмилу. Сейчас она уже на пенсии. Потом родился сын Владимир.

В истории советского радиовещания это были годы рождения и формирования новых жанров радиопропаганды и радиоси искусства. Появлялись различные передачи, трансляции. Перед микрофоном выступали Надежда Константиновна Крупская, Михаил Иванович Калинин, Владимир Маяковский читал свои стихотворения и поэмы. В самых дальних уголках страны слушали голос Москвы.

— В то время радио стало для нас какой-то неотъемлемой частью нашей жизни. Включали мы репродуктор рано утром, когда передавали гимнастику. Кстати, с нее и началась моя новая карьера. У меня было два сильных увлечения. Первое — театр. Еще девчонкой занималась в литературном драматическом кружке, а потом поступила в театральную студию «Синяя птица», которую возглавлял Леонид Волков, будущий народный артист СССР. Но занятия были платные. Мне это оказалось не по карману, и, проучившись год, бросила.

Второе увлечение — легкая атлетика (до сих пор продолжаю заниматься спортом). Слушала радиогимнастику, и мне не все

нравилось. Решила на радио послать письмо со своими замечаниями. Когда они письмо получили, то пригласили к себе побеседовать. Узнав, что я еще и театром увлекаюсь, предложили попробовать провести несколько занятий. Я с удовольствием согласилась. Гимнастика по радио проводится так: перед диктором в студии стоят несколько человек, выполняющих упражнения. Благодаря этому можно увидеть ошибки, которые не исключены у радиослушателей, и вовремя их поправить. Сначала я помогала ведущему, а потом стала сама вести передачу для детей.

Одновременно держала конкурс на замещение должности диктора, но с треском провалилась.

А потом стала выручать дикторов (их

журили в здании Центрального телеграфа на улице Горького. Оттуда тоже велись передачи. Читали ночной выпуск «Последних известий». Вдруг пронзительно завыла сирена — начался налет. Грохот зениток на крыше телеграфа заглушался воем фашистских самолетов. Но мы продолжали читать выпуск, а когда закончили, то подошли к окнам студии и стали смотреть, как лучи прожекторов ловят вражеские самолеты. В это мгновение раздался взрыв колоссальной силы. Казалось, здание телеграфа ходуном заходило. Это разорвалась тысячекилограммовая фугасная бомба на Манежной площади. Совсем рядом.

Нет, страха не было. Нам и в голову не приходило тревожиться о своей безо-

остались впечатления, наиболее сильные? Ольге Высоцкой с особой теплотой вспоминается и личная благодарность замечательного актера и педагога Немировича-Данченко за проведение трансляции с премьеры спектакля МХАТа «Анна Каренина», и еще, наверное, за тот вечер Василия Качалова в Доме звукозаписи, когда она, смущенная необычным поручением коллектива, поцеловала величайшего актера.

Запомнилась и встреча в студии с летчиками Чкаловым, Байдукowym и Беляковым, совершившими перелет в Америку через Северный полюс, с Анатолием Ляпидевским, первым человеком, который получил звание Героя Советского Союза.

— Мы рассказывали радиослушателям об этих подвигах, о встречах. Мы пытались понять, найти в героях нечто, отличающее их от нас и от всех остальных. И не находили. Люди как люди. И живут обычной, повседневной жизнью. Пока не настанет час их подвига.

Искусство диктора — это искусство беседы с невидимым слушателем. Некоторые очень часто не прощают ошибки тем, чей

голос ежедневно слышат по радио. Нередко какой-нибудь «буквоед» взахлеб рассказывает: «А вот вчера диктор такой-то опять оговорился. Ха-ха!» Может, это от его личного убеждения, что диктор не имеет права ошибаться? Или оттого, что мы почти ничего не знаем об этой профессии? Как о людях искусства, о дикторах часто сочиняют различные сплетни, передают вымышленные закулисные истории, придумывают анекдоты.

— Не все придумывают. Бывают у нас и ошибки, бывают и курьезные случаи. Я по своей натуре вообще очень смешливая и поэтому никогда не забуду один эпизод, который произошел со мной в студии, когда мы с диктором Эммануилом Михайловичем Тобиашем читали выпуск последних известий. В то время стулья были на полозьях, и я во время передач любила раскачиваться на них. А тут, потеряв равновесие, не удержалась и упала прямо под стол. Мой партнер стал хотеть. Я, лежа под столом, тоже хочочу. Потом Тобиаш все-же догадался выключить микрофон. В ту же минуту вошла дежурная и спросила: «Что у вас за грохот такой?» А Эммануил Михайлович отвечает: «Карандаш под стол закатился!»

Если говорить про ошибки, то мы, естественно, не имеем права их делать. Но бывают ситуации, когда невольно ошибаешься. Один известный диктор как-то раз читал текст, в котором были слова «непорочное зачатие». По-видимому, он плохо знал священное писание и непонятное словосочетание переделал. Получилось: «непрочное зачатие». Бывают ошибки и оговорки, возникающие под впечатлением. Диктор (не буду называть фамилии) вела концерт. Ей предстояло объявить следующий романс. Певец перед этим неважно исполнил свой номер, и поэтому под впечатлением диктор берет микрофон и говорит: «А теперь певец такой-то испортит еще один романс Чайковского!»

Но если серьезно, то труд диктора — не из легких. Ежедневные тренировки, занятия дикцией и упражнения для голоса. Скороговорки и гекзаметры. «Одиссею» Гомера, сложенную гекзаметром, знаю почти наизусть. Среди ночи разбуди — прочитаю. И самое главное — нельзя быть равнодушным. Нельзя не волноваться, какой бы важности текст или сообщение ни было. Если я однажды почувствую, что не волнуюсь, когда включаю микрофон, то в тот же день уйду с работы!

Беседу вел Алексей АРТЕМЬЕВ.



«ГОВОРИТ МОСКВА!»

О. С. Высоцкая, народная артистка СССР, диктор Всесоюзного радио: «И самое главное — нельзя быть равнодушным».

иногда не успевали привозить на работу к пяти утра). На это обратили внимание, многим понравилось, и в 1932 году мне предложили вступить в штат Центрального радио.

На дикторском столе лежат фотографии разных лет, которые Ольга Сергеевна принесла с собой. Это люди, чьи голоса нам очень знакомы, а их лиц мы никогда не видели. Лица разные: веселые, грустные, сосредоточенные. Вот фотография, где Ольга Сергеевна снята в прошлом году. А этот снимок, немного пожелтевший, сделан в 1941-м...

— В те дни... Подходишь к микрофону, представляешь себе, как ждут твоего слова, как вслушиваются в него, а чаще всего — в интонации, и знаешь, что ничего утешительного ты сообщить не можешь. Были передачи, в которых нам, женщинам, было особенно трудно читать.

Однажды — это было 27 января сорок второго, придя утром на работу, я получила текст передачи — очерк из «Правды». Очерк назывался «Таня». В нем описывался подвиг Зои Космодемьянской. Я читаю, а перед глазами фотография к очерку: лежащая на снегу девушка, на тонкой, почти детской шее — петля. Часто приходилось делать паузы, чтобы проглотить подступающий к горлу комок, сдерживать слезы.

— Ольга Сергеевна, в первые месяцы войны Москва подвергалась налетам фашистской авиации. У сбитого под ступицей вражеского летчика в планшете нашли карту, где здание Радиокomiteта значилось в числе первоочередных объектов для бомбежки.

— Да, ведь Геббельс истерически требовал, чтобы Московское радио замолчало, настолько сильно было наше оружие живого слова. В июле сорок первого, во время очередного налета, бомба упала во двор Радиокomiteта, который находился в Путинковском переулке. Это сейчас за кинотеатром «Россия». Однако она попала в люк канализационного колодца и не взорвалась. Но больше всего мне запомнилась первая воздушная тревога. Мы с Юрием Борисовичем Левитаном де-

пасности. Поэтому ни в тот, ни во все последующие налеты мы не прерывали передачу. Голос Москвы должен был звучать твердо и уверенно. В любом случае.

Много различных передач вела Ольга Высоцкая во время Великой Отечественной войны. Были передачи грустные, тяжелые, а были и радостные — сообщения о победах советских войск на фронте, об ударном труде работников тыла. Весна сорок пятого принесла в дом Радиокomiteта, который фашистам так и не удалось уничтожить, новые волнения.

— В течение всего дня 8 мая бесконечно трещали телефоны, звонили совершенно незнакомые люди, спрашивали: будет ли передано важное правительственное сообщение? Правда, что Германия капитулировала? Правда, что война окончена? И так без конца.

Мне трудно найти подходящее слово, чтобы определить свою работу у микрофона в ту ночь: «мне довелось», «мне повезло», «мне повезло». В эту ночь Юрий Левитан на всю планету объявил, что фашистская Германия капитулировала, что война окончена, что наступил долгожданный мир!

В 6 часов снова повторилось по радио это сообщение. Левитан читал Акт о капитуляции, а я подробности его подписания. Очень трудно было сохранить спокойствие! Знаете, хотелось после этого крикнуть в микрофон: «Родные, милые, ведь кончилась война-то, все!»

А 24 июня мы вели репортаж о параде Победы с Красной площади. Мы находились в здании ГУМа, видя все своими глазами и ощущая всю атмосферу великого праздника. Над Москвой шел теплый летний дождь, и кто-то из ведущих вместе с нами передачу писателей сказал, что этот дождь — невыплаканные слезы тех, кто не дождал до этой счастливой минуты.

...В это время под барабанную дробь на мокрую брусчатку Красной площади к подножию Мавзолея Ленина падали знамена с черной свастики.

Ольга Сергеевна Высоцкой благодаря профессии диктора часто приходилось встречаться с интересными собеседниками, с людьми героических профессий. Какие